БИБЛІОТЕКА АНАРХИЗМА.

Домела Ньювангуисъ.

СОЦІАЛИЗМЪ ВЪ ОПАСНОСТИ.

съ предисловіемъ Э. РЕКЛЮ.

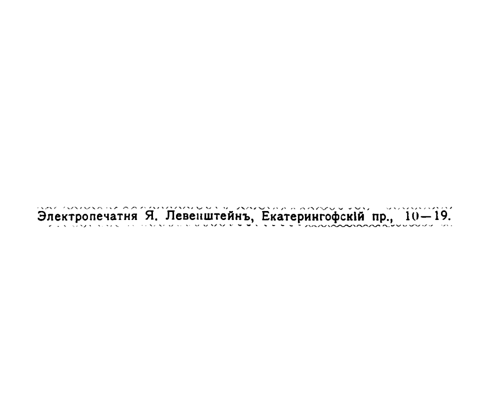
ВЫП. I.

Различныя теченія нѣмецкой соціалдемократіи.

Переводъ съ франц. подъ редакціей и вступленіемъ
А. Венина.

Книгоиздательство „ПРОСТОРЪ“.

СПБ., **1906 г.**

Электропечатня Я. Левенштейнъ, Екатерингофскій пр., 10—19.

Предисловіе къ французскому изданію Элизе Реклю.

Произведеніе нашего друга Домелы Ньювангуиса есть плодъ терпѣливаго изученія вопроса и глубоко изжитаго личнаго опыта; на составленіе труда этого пошло 4 года. Въ эпоху, подобную нашей, когда явленія общественной жизни такъ тѣсно переплетаются, когда быстрая смѣна фактовъ дѣлаетъ все болѣе и болѣе нервной критику идей,—4 года составляютъ уже долгій періодъ жизни и понятно, авторъ могъ наблюдать много перемѣнъ въ общественной жизни, да и собственное его міровоззрѣніе совершило за это время нѣкоторую эволюцію. Три части этого произведенія, появившіяся черезъ долгіе интервалы въ „la société Nouvelle", отмѣчаютъ пройденные этапы. Прежде всего писатель обращается къ изученію различныхъ теченій „Германской соціалдемократіи." Затѣмъ, пораженный упадкомъ революціоннаго духа, который онъ принужденъ констатировать въ нѣмецкомъ соціализмѣ, авторъ задается вопросомъ—не рискуетъ ли соціализмъ въ дальнѣйшей эволюціи свестись къ безобиднымъ требованіямъ либеральной буржуазіи; наконецъ, возвращаясь къ изученію проявленій соціальной мысли, онъ устанавливаетъ, что отчаяваться не приходится, что регрессъ одной школы, гдѣ командуютъ и дисциплинируютъ болѣе, чѣмъ мыслятъ и дѣйствуютъ, съ избыткомъ восполняется ростомъ соціализма свободническаго (socialisme libertaire*), въ которомъ компаньоны**) по общему дѣлу безъ диктатора, безъ преклоненія передъ какой н. б. книгой или собраніемъ гото-

*) Libertaire!—свободникъ, такъ называютъ себя анархисты.

**) Слово «компаньонъ» — употебительное обращеніе другъ къ другу среди анархистовъ, вмѣсто слова товарищъ. Этимъ обращеніемъ подчеркивается принципъ взаимопомощи.

выхъ формулъ дружно работаютъ надъ созданіемъ общества равныхъ.

Документы, приводимые въ этой книгѣ, представляютъ большой историческій интересъ. Въ то время, какъ офиціальная политика проявляется въ тысячахъ формъ, — напримѣръ, дипломатическихъ формулъ, русскихъ визитовъ, французскаго низкопоклонничества, тостовъ императоровъ, декламаціи и лакейскихъ декорацій,—формъ, которыя часто по наивности принимались за исторію, рождается великое движеніе пролетаріевъ, берущее начало въ сознаніи ихъ положенія, въ твердомъ рѣшеніи сдѣлаться свободными, съ завоеваніемъ общаго благополучія, которое теперь есть привилегія немногихъ, готовится измѣненіе самой оси соціальной жизни. Въ немъ, въ этомъ глубокомъ движеніи заключается истинная исторія, и счастливы будутъ наши потомки узнать всѣ перипетіи борьбы, изъ которой родилась ихъ свобода.

Они узнаютъ, какъ тяжела была въ нашъ вѣкъ борьба за интеллектуальный и моральный прогрессъ, который заключается въ томъ, чтобы „излечиться отъ культа отдѣльныхъ лицъ.“ Правда, одинъ человѣкъ можетъ оказать великія услуги своимъ современникамъ, благодаря энергіи мысли, мощи дѣйствія и интенсивности своей преданности, но пусть, совершивъ свое дѣло, онъ не претендуетъ стать Богомъ, и, въ особенности, пусть другіе не дѣлаютъ его таковымъ, даже независимо отъ него. Это значило-бы желать, чтобы добро, сдѣланное одной личностью, трансформировалось бы во зло, во имя кумира. Каждый человѣкъ рано или поздно устаетъ отъ борьбы, и сколько между нами такихъ, которые поддаются утомленію, тщеславнымъ побужденіямъ, или козням вѣроломныхъ друзей! Если даже борецъ остается твердымъ и чистымъ до самаго конца, навѣрно ему припишутъ чужія рѣчи и его слова, которыя онъ говорилъ когда-то, используютъ, извращая ихъ истинный смыслъ.

Посмотрите на такую могучую личность, какъ Марксъ, во имя котораго фанатики сотнями тысячъ воздѣваютъ руки къ небу, клянясь религіозно охранять

его доктрину! Цѣлая партія, цѣлая армія, имѣющая десятки депутатовъ въ германскомъ парламентѣ, развѣ не толкуетъ теперь марксистскую доктрину именно въ обратномъ смыслѣ, чѣмъ ее понималъ самъ учитель? Онъ заявилъ, что экономическая сила опредѣляетъ политическую форму обществъ, а теперь отъ его имени утверждаютъ, что экономическій факторъ будетъ зависѣть отъ большаго числа членовъ партіи въ политическихъ собраніяхъ. Онъ объявилъ: „для того, чтобы уничтожить обнищаніе, государство должно уничтожиться само, ибо источникъ зла есть—самое существованіе государства!“ и благочестиво прикрываются его тѣнью тѣ, которыя хотятъ завоевать государство и имъ править! И несомнѣнно то, что если восторжествуетъ политика Маркса, то съ нею произойдетъ тоже, что съ религіей Христа, т.-е. что учитель наружно боготворимый, будетъ отрицаться въ практикѣ вещей.

Читатели Домелы Ньювангуиса научатся также бояться опасности, которую представляютъ кривые пути политикановъ.

Каковъ объектъ всѣхъ искреннихъ соціалистовъ? Безъ сомнѣнія, всякій изъ нихъ согласится, что его идеаломъ является общество, въ которомъ каждый индивидуумъ, развивая полностью свою силу, свой умъ, свою физическую и моральную красоту, будетъ свободно содѣйствовать благу человѣческому. Но каковы средства, чтобы достигнуть какъ можно скорѣе такого положенія вещей? „Проповѣдывать этотъ идеалъ, взаимно учить другъ друга, объединяться для взаимопомощи, для братскаго содружества во всякомъ благомъ начинаніи, для революціи!“ скажутъ прежде всего наивные и простые, какъ мы.—О, какъ вы заблуждаетесь! отвѣчаютъ намъ,—средства заключаются въ томъ, чтобы собирать голоса и завоевывать политическую власть.

По мнѣнію парламентаристовъ надо самимъ стать на мѣсто государственной власти, и, слѣдовательно, пользоваться всѣми средствами, находящимися въ рукахъ государства, стараясь привлечь избирателей всякими маневрами, какіе только могутъ ихъ соблазнить,

и осторожно избѣгая сталкиваться съ ихъ предразсудками.

Не фатально-ли, что кандидаты на власть, направляемые такой политикой, принимаютъ участіе въ парламентскихъ интригахъ, козняхъ, и компромиссахъ? Наконецъ, если въ одинъ прекрасный день они станутъ господами, не будутъ ли они принуждены прибѣгнуть къ силѣ, со всѣмъ аппаратомъ репрессій и подавленія, который называется гражданской или національной арміей, жандармерій, полиціей и пр. изъ этой безконечной коллекціи?

Именно такимъ путемъ, столь проторенныъ съ начала столѣтій, новаторы достигнутъ власти, если допустить, что избирательныя урны не будутъ опрокинуты штыками ранѣе, чѣмъ наступитъ счастливый моментъ.

Не вѣрнѣе ли оставаться наивными и искренними, сказать просто какова наша непреклонная воля, рискуя даже, что одни назовутъ насъ утопистами, другіе —гнусными, чудовищными. Нашъ ясный, опредѣленный, непоколебимый идеалъ это разрушеніе государства и всѣхъ препятствій, отдѣляющихъ насъ отъ нашей цѣли. Не будемъ состязаться въ хитрости съ нашими врагами. Кто болѣе всего старается одурачить, тотъ чаще остается въ дуракахъ.

Такова мораль, которую находимъ мы въ произведеніи Домелы Ньювангуиса. Читайте же его вы, одержимые страстью къ истинѣ, вы которые не ищете ея ни въ прокламаціи диктатора, ни въ программѣ, написанной цѣлымъ ареопагомъ великихъ людей.

Элизе Реклю.

Вступительная замѣтка.

Домела Ньювангуисъ, одна изъ крупнѣйшихъ фигуръ европейскаго соціализма. Есть много качествъ, драгоцѣнныхъ для общественнаго дѣятеля, но одно, самое рѣдкое,—искренность.

Нужно ясно представить себѣ всю силу инерціи политическаго убѣжденія и дѣйствія, всю засасывающую тину позиціи вождя, весь соблазнъ опьяненія властью; тогда только можно понять, какою могучею инициативой самокритики долженъ обладать такой человѣкъ, какъ Домела Ньювангуисъ, пользующійся громаднымъ вліяніемъ среди пролетарскихъ массъ въ Голландіи, для того, чтобы всегда и каждодневно умѣть совершать переоцѣнку цѣнностей своего интеллектуальнаго багажа. Начавши общественное поприще въ качествѣ священника, онъ быстро эволюціонируетъ къ соціализму и становится во главѣ соціал-демократическаго движенія въ Голландіи. Но онъ не усаживается на лаврахъ „научнаго" соціализма. Годы напряженной дѣятельности пропагандиста и агитатора и упорныхъ исканій методовъ пролетарской борьбы приводятъ его къ столкновенію съ адептами международнаго опортюнизма; и вотъ этотъ неутомимый человѣкъ поднимаетъ знамя возстанія противъ догматики парламентаризма, какъ анархистъ.

Для насъ, россіянъ, тутъ цѣлый вопросительный знакъ.

Если не считать словъ „хулиганъ" и „черносотен-

никъ," то слово „анархистъ" у насъ теперь самый популярный эпитетъ, самое устрашительное наименованіе. Правительство борется съ „анархизмомъ" „крайнихъ партій;" „патріоты" готовятъ „союзы активной борьбы съ анархіей"; наши „умѣренные" буржуа замѣнили этимъ иностраннымъ терминомъ свое національное „караулъ, городовой." „Анархія, анархія" раздаются ихъ прерывающіеся голоса и то тамъ, то сямъ уже проскакиваетъ привычное „городовой!"

Да, что тамъ, *сами*, эсъ-деки *оскорбляются*, когда ихъ „обзовутъ" анархистами и, съ пафосомъ невинно оклеветанныхъ, возвращаютъ правительству обвиненія въ анархизмѣ,—не мы, молъ, анархисты, а вы.

Въ этомъ есть что то комическое: *всѣ ругаютъ другъ друга* анархистами, но попытайтесь спросить, что же такое этотъ страшный анархизмъ и получится коллекція опредѣленій во всякомъ случаѣ разнообразная.

„Анархисты, скажетъ вамъ ученый буржуа, „это опасный типъ вырожденія; психопаты, страдающіе маніей разрушенія. Болѣзнь неизлечѣмая и заразительная; ихъ слѣдуетъ *отдѣлять* отъ общества."

Либеральный буржуа скажетъ: „анархисты, это тѣ, что пыряютъ ножами и взрываютъ бобмами самыхъ порядочныхъ людей отъ мирныхъ обывателей до депутатовъ, президентовъ республики и коронованныхъ особъ включительно. Противъ нихъ необходимо бороться *всѣми мѣрами*.

„Вы спрашиваете", что такое анархисты, отвѣтитъ „эсъ-эръ", мм... какъ вамъ сказать... въ теоріи мы съ ними немножко согласны... но... вообще мы не анархисты и даже терпѣть ихъ не можемъ, ей богу"!

„—А, анархисты, извольте я вамъ *растолкую*. (Вы слышете, конечно, что это ужъ говоритъ „эсъ-декъ").

„Видите ли, что касается теоріи, то это полные идеалистическіе утописты, т.-е. люди безсмысленно мечтающіе о несбыточныхъ вещахъ; они, само собою разумѣется, понятія не имѣютъ о наукѣ вообще и о діалектическомъ матеріализмѣ, въ частности. Они воображаютъ, что человѣкъ прекрасенъ по существу, что онъ способенъ къ самоусовершествованію, и что,

поэтому, достаточно людямъ указать, гдѣ ихъ благо, и тотчасъ они всѣ за него ухватятся и настанутъ на землѣ дни райскіе. Они понятія не имѣютъ о „новѣйшихъ открытіяхъ“ Маркса и Энгельса, не понимаютъ, что такое классовая борьба, и экономическій факторъ —однимъ словомъ, неучи и фантазеры. Таковы они въ теоріи. На практикѣ же они мѣшаютъ пролетарскому движенію, потому что не признаютъ политическихъ выступленій и сводятъ все къ узко-экономической борьбѣ. Они, кстати, принціпіальные противники всякихъ организацій, ибо самое слово анархія значитъ вообще хаосъ и дезорганизація. Чаще всего это просто провокаторы. Ихъ надо недопускать къ рабочимъ, и въ крайности можно объявить громилами и отдать въ руки полиціи.“

Таково разнообразіе мнѣній объ анархистахъ.

Однако человѣкъ мыслящій невольно остановится въ раздумьи. Въ самомъ дѣлѣ, какъ же это,—маніаки разрушенія, хулиганы, ныряющіе и взрывающіе добрыхъ людей, и въ то же время идеалисты, воображающіе, что человѣкъ прекрасенъ по существу? Что же это они взрываютъ человѣка за ихъ прекрасность, или думаютъ они, что пырнуть и значитъ „указать, гдѣ благо“; и неужто всеобщій хаосъ и дезорганизація и есть тѣ дни райскіе, къ которымъ они зовутъ? Да чего же имъ тогда еще хлопотать; вѣдь вотъ ужъ если у насъ чего въ избыткѣ, такъ именно хаоса и дезорганизаціи, и какіе же это утописты, коли такова и есть, увы, наша печальная дѣйствительность; о классовомъ антагонизмѣ и экономическомъ факторѣ понятія не имѣютъ, а воюютъ почему-то въ рядахъ пролетаріата и сводятъ все къ „узко-экономической“ борьбѣ; высказываются противъ политическихъ выступленій и пускаютъ въ ходъ терроръ противъ президентовъ?... нѣтъ, тутъ что-то не такъ. Да, наконецъ, провокаторы—и не дружатъ съ полиціей? Положительно здѣсь что-то не такъ!

Къ такому неизбѣжному заключенію долженъ придти разумный человѣкъ, давшій себѣ трудъ разобраться въ приведенномъ выше калейдоскопѣ мнѣній объ анархизмѣ.

X

Все громче и громче сказывается, однако, потребность дать себѣ отчетъ въ этомъ вопросѣ. Даже тѣ, „кто бранятся“ анархизмомъ, тѣмъ самымъ, помимо ихъ желанія, фиксируютъ общественную мысль на немъ, его въ извѣстномъ смыслѣ пропагандируютъ.

Сверхъ того, въ процессѣ грандіозный борьбы, въ которую ринулись трудовыя массы, онѣ уже не вольны остановиться, и по закону наивыгоднѣйшаго приспособленія, ощупью выбираются на дорогу, которая, можетъ статься, такъ близка къ анархизму, въ истинномъ смыслѣ слова, какъ и не воображаютъ тѣ, что мнятъ себя „вождями“.

Да, но что же такое анархизмъ и анархисты и откуда они берутся?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ не можетъ являться темою для нашей замѣтки. Мы хотимъ подчеркнуть, однако, что слѣдуетъ различать въ анархизмѣ соціально-политическую теорію и соціально-политическое явленіе. Какъ то такъ и другое не явилось въ развитіи соціализма новшествомъ, претендующимъ изъ себя разрѣшить всѣ спутанныя проблемы общественной жизни; и анархисты отнюдь не собираются писать исторію соціализма такъ, какъ щедринскіе историки пишутъ отечественныя лѣтописи: „По смерти царя Такого-то, на престолъ вошелъ царь Такой-то II-й. Онъ нашелъ землю совершенно разоренной. Но, благодаря его энергіи и мудрому управленію, все пошло по иному. Враги внѣшніе были покорены, внутренніе усмирены, и торговля и промышленность расцвѣла.

Окруженный блескомъ и славою, царь Такой-то II-й въ такомъ-то году въ Бозѣ почилъ. За его великія дѣла онъ былъ названъ Великимъ. Послѣ его смерти на престолъ вступилъ царь слѣдующій. Онъ нашелъ землю совершенно разоренной и т. д.

Не похоже ли это въ самомъ дѣлѣ на кое какія изъ исторій „соціализмовъ“, въ которыхъ послѣдняя глава, писанная усвоителями марксистскихъ схемъ важно трактуетъ о томъ, какъ на смѣну „соціализму утопическому“ явился „соціализмъ научный“, который нашелъ землю соціальной науки совершенно разоренной,

Такъ продолжать лѣтопись соціализма анархисты, повторяемъ, не собираются, но продолжать ее хотятъ. „Да вѣдаютъ потомки“... Но не затѣмъ только вѣдаютъ, чтобы „поминать за славу, за добро“, и „смиренно молить за грѣхи“, — нѣтъ, затѣмъ чтобы „добро“ умѣть отдѣлять отъ грѣховъ, затѣмъ чтобы *умѣть брать уроки у исторіи.*

И это наука нелегкая. Намъ, передъ которыми эта строгая учительница выкладываетъ сейчасъ одну за другой изъ своихъ головоломнѣйшихъ задачъ и особенно тѣмъ, что хватаются за дирижерскія палочки, въ большой мѣрѣ какъ не хватаетъ этого умѣнія.

Правда, на каждый случай имѣются про запасъ двѣ три цитаты, дюжина аналогій и сотня восклицательныхъ знаковъ, но это все недурно для митинга, а для того чтобы ускорять ходъ колеса исторіи „методъ“ не весьма подходящій.

И пусть не думаютъ, что здѣсь мы имѣемъ въ виду всѣхъ, кромѣ нашихъ „крайнихъ лѣвыхъ“, нѣтъ именно о Васъ г-жа Россійская Соціалдемократическая „Партія обоего пола“ болѣе всего думаемъ мы, когда пишутся эти строки и Вашему благосклонному вниманію дерзаемъ порекомендовать замѣчательную книжку Ньювангуиса: „De te fabula narratur!“. Если германская соціалдемократія служитъ постояннымъ образчикомъ, если рабское копированіе ея рѣшеній и пріемовъ есть лучшая гарантія правильности соціалдемократической тактики, то тѣмъ большее значеніе въ глазахъ именно россійскаго соціалдемократа пріобрѣтетъ та поразительная картина, которую авторъ развертываетъ передъ нами на страницахъ своего труда. Интересно, между прочимъ, сопоставить здѣсь два момента изъ жизни россійскаго парламертскаго соціализма. Намъ припоминается, что на амстердамскомъ конгрессѣ жоресисты, желая ослабить лѣвое крыло, выставили „отводъ“ въ вопросѣ о дрезденской резолюціи противъ рѣшающихъ голосовъ представителей тѣхъ странъ, которыя не имѣли еще случая на практикѣ примѣнить свое отношеніе къ парламентскимъ формамъ. Этой выходкой, имѣвшей въ виду, между прочимъ,

и представителей россійскаго соціализма, по справедливости возмутилось громадное большинство конгресса, и болѣе всего россійская делегація. Дрезденская резолюція гласила между прочимъ:... „Конгрессъ въ противоположность ревизіонистскимъ стремленіямъ, выражаетъ свое убѣжденіе, что классовыя противорѣчія не только не ослабляются, но все болѣе и болѣе обостряются:... конгресъ осуждаетъ всякое стремленіе къ затушевыванію существующихъ классовыхъ противорѣчій, облегчающему сближеніе съ буржуазными партіями". Резолюція эта, какъ извѣстно, была принята и не изъ послѣднихъ ратовали за нее россійскіе делегаты.

И вотъ мы въ „парламентской" Россіи. И вотъ наши антиревизіонисты за работой. Размахъ революціонной волны отбрасываетъ ихъ вначалѣ далеко влѣво. Дума объявлена подъ бойкотомъ. Тактика, horribile dictu, анархическая.

Улеглись волны перваго штурма революціи. Утлая ладья россійскаго парламента закачалась на волнахъ безбрежнаго моря неурядицы, и подъ парусами, раздуваемыми „попутнымъ" вѣтромъ кадетской политики, направилась въ тихую пристань законности.

Таковы „лавры Мильтіада", и ужъ понятно не спитъ россійская соціалдемократія. Спѣшно осуждена и отмѣнена тактика бойкота. Ораторы и агитаторы, громившіе на митингахъ „измѣнниковъ кадетовъ" и ихъ опортюнизмъ, съ поистинѣ изумительной легкостью поворачиваютъ вѣтрила, и новый лозунгъ „поддерживать Думу", выставляется съ тѣмъ же пафосомъ и апломбомъ. Наконецъ появляются въ 4-мъ и 5-мъ №№ «Курьера», письма *самого* Г. В. Плеханова, въ которыхъ рабочимъ преподаются уроки *политическаго такта*, и между прочимъ пишется„... истина, гласящая, что мы должны непрестанно развивать въ умахъ рабочихъ сознаніе противуположности ихъ интересовъ съ интересами буржуазіи, давно уже приняла въ нашемъ умѣ прочность предразсудка. Но предразсудокъ есть засохшая, окаменѣлая, выдохшаяся истина, отъ которой отлетѣло освѣжающее дыханіе

жизни. Это мумія истины. *И когда такая мумія принимается за настоящую живую истину, она неизбѣжно ведетъ къ заблужденію*". И далѣе, по поводу того—должно ли или нѣтъ поддерживать органическую работу думы.... „вѣдь надо же помнить, что наиболѣе агитаціонное значеніе будетъ имѣть именно органическая работа".

Такъ вотъ какъ, оказывается, что амстердамскій конгресъ бальзамировалъ трупы. Въ этомъ отношеніи Плехановъ вполнѣ сходится съ Жоресомъ. Да и во всей прочей аргументаціи по вопросу о Думѣ статья перваго чуть ли не буквально повторяетъ доводы замѣтки по тому же вопросу, помѣщенной въ l'Humanité. Трогательное единеніе амстердамскихъ противниковъ! Еслибы знаменитый французскій политиканъ былъ злопамятнымъ, онъ бы могъ не безъ снисходительности старшаго къ младшему замѣтить вождю россійскихъ «ортодоксовъ»:— вотъ видишь, я говорилъ тебѣ: «выростишь,— узнаешь»...

Впрочемъ, мы не хотимъ дѣлать изъ нашей вступительной замѣтки статью на злобы дня. Мы привели этотъ примѣръ лишь затѣмъ, чтобы показать, что тѣ вопросы и сомнѣнія, которые грозно выдвигаются передъ западно-европейскимъ соціализмомъ имѣютъ для насъ интересъ не только абстрактнаго исканія истины. На западѣ съ особеннымъ вниманіемъ всматриваются въ великія событія россійской революціи; и у насъ, какъ труизмъ, уже повторяется фраза: „мы стоимъ на отвѣтственнѣйшемъ посту международной пролетарской борьбы". Но noblesse oblige: недостаточно заготовлять „диспозиціи" на всѣ случаи, недостаточно исторію освѣщать теоріей, необходимо и теорію оцѣнивать и переоцѣнивать при свѣтѣ исторіи. И если вѣрить, въ особенности если вѣрить въ вѣрность принятой гипотезы, нельзя зажмуривать глаза на факты.

Плохую услугу, поэтому, дѣлаетъ пролетарскому движенію тотъ, кто одной полемической статьей хочетъ отдѣлаться отъ такого крупнаго движенія, какъ ростъ на западѣ антипарламентарскаго, такъ наз. „либертерскаго" (сво-

бодническаго) соціализма. Въ это явленіе необходимо всмотрѣться *во всякомъ случаѣ.* Книга Домелы Ньювангуиса даетъ громадный матеріалъ. Важно отмѣтить, что начатая критикующимъ (не въ ковычкахъ) соціалдемократомъ, она кончена анархистомъ. Въ ней еще нѣтъ отвѣта, что такое анархисты, но уже ясно указано, откуда они берутся.

А. Венинъ.

1906 г. май.

Различныя теченія Германской соціалдемократіи.

На Эрфуртскомъ партейтагѣ германской соціалдемократической партіи 1891 г. началась борьба, которая въ высшей степени интересуетъ соціалистовъ всего міра; борьба эта, слегка различаясь въ оттѣнкахъ, происходитъ повсюду между различными фракціями соціалистической партіи.

На одной сторонѣ (на правой) былъ Фольмаръ, отъ котораго всѣ ожидали, что онъ скоро станетъ во главѣ радикаловъ, какъ это онъ и самъ далъ почувствовать на конгрессѣ въ Галлѣ. Онъ произнесъ рѣчь, которая во многихъ отношеніяхъ была настоящимъ шедевромъ, показывающимъ, что ея авторъ прекрасно умѣетъ защищаться.

На другой сторонѣ (на лѣвой) былъ Вильдбергеръ, появившійся на трибунѣ въ качествѣ выразителя мнѣній берлинской оппозиціи.

Между ними, какъ между молотомъ и наковальней, Бебель и Либкнехтъ являли собою печальный примѣръ безполыхъ существъ.

Внимательное чтеніе отчетовъ конгресса, появленіе которыхъ мы ждали, не желая полагаться на выдержки изъ газетъ, вызвало въ насъ чувство состраданія къ этимъ людямъ, которые долгое время руководили движеніемъ въ Германіи, а теперь сидятъ между двухъ стульевъ, получая удары одновременно съ обѣихъ сторонъ.

Фольмаръ говорилъ, что онъ не желаетъ „никакой новой тактики"; „я, добавилъ онъ, объявляю себя сторонникомъ тактики, которой слѣдовали до сихъ поръ, и только хочу ея дальнѣйшаго логическаго развитія". На это Бебель отвѣтилъ: „если бы партія послѣдовала тактикѣ Фольмара, со-

средоточивая всѣ свои силы на борьбѣ за пять пунковъ *) программы, временно оставляя въ сторонѣ истинную цѣль, то это вызвало бы броженіе, которое, по моему мнѣнію, фатально привело бы партію къ разложенію; это значило бы отказаться совершенно отъ нашей конечной цѣли. Въ такомъ случаѣ мы поступили бы не такъ, какъ слѣдуетъ, и какъ мы поступали до сихъ поръ. Мы всегда боролись за то, чтобы получить какъ можно больше отъ современнаго государства, не теряя однако изъ виду, что все это лишь незначительныя уступки, *ровно ничего не мѣняющія въ существующемъ порядкѣ вещей*. Мы должны держаться всей совокупности нашихъ требованій, цѣль же частичнаго завоеванія лишь въ томъ, чтобы укрѣпить базисъ нашихъ дѣйствій и дать намъ возможность лучше вооружиться".

Фишеръ пошелъ еще дальше: „если мы согласимся съ точкою зрѣнія Фольмара, намъ останется только немедленно вычеркнуть изъ нашей программы слова: „соціалдемократическая партія" и замѣнить ихъ словами: „программа нѣмецкой рабочей партіи"... Тактика Фольмара сводится къ стремленію осуществить пять пунктовъ программы, которые онъ считаетъ самыми необходимыми, составляющими сами по себѣ конечную цѣль. Мы же, наоборотъ, считаемъ нужнымъ заявить, что мы желаемъ осуществленія всѣхъ требуемыхъ нами реформъ только потому, что это, думаемъ мы, ободритъ рабочихъ въ ихъ борьбѣ за окончательное завоеваніе своихъ правъ.

Для насъ эти реформы являются только средствомъ, тогда какъ для Фольмара онѣ—цѣль, главный смыслъ существованія партіи. Конгрессъ долженъ высказаться безъ околичностей,—стоитъ ли онъ за сохраненіе рѣшеній, принятыхъ на конгрессѣ въ Сенъ-Галлѣ, или за принятіе новой тактики Фольмара, которая—хочетъ онъ этого или нѣтъ—будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ расколъ въ партіи, и сосредоточитъ всѣ силы на осуществленіи пяти пунктовъ

*) Вотъ эти пять пунктовъ.
1) Рабочее законодательство.
2) Право собраній.
3) Нейтральность властей въ случаяхъ конфликтовъ между хозяевами и рабочими.
4) Запрещеніе картелей и трестовъ.
5) Отмѣна налоговъ на съѣстные припасы.

программы, имѣющихъ только второстепенное значеніе сравнительно съ конечной цѣлью".

Либкнехтъ того же мнѣнія: „Фольмаръ имѣетъ *право*, говоритъ онъ, предлагать намъ идти по новому пути, но на партіи лежитъ *обязанность*, въ интересахъ самаго ея существованія, энергично отвергнуть новую тактику, которая приведетъ къ гибели, къ полной кастраціи партію и превратитъ ее изъ революціонно-демократической въ государственно-соціалистическую или соціалистическо-національ-либеральную. Однимъ словомъ, успѣхъ и самое существованіе соціалдемократической партіи рѣшительно требуетъ, чтобы мы заявили, что не имѣемъ ничего общаго съ тактикою, которую Фольмаръ восхвалялъ въ Мюнхенѣ и отъ которой онъ не отказывается и здѣсь".

Между тѣмъ, въ своей газетѣ „Мюнхенская Почта", Фольмаръ собралъ нѣсколько цитатъ изъ рѣчей, произнесенныхъ въ рейхстагѣ соціалистами, и, сопоставляя ихъ со своими словами, доказывалъ, что тѣмъ же принципамъ, которые онъ защищаетъ теперь, слѣдовали всегда соціалдемократическіе депутаты и никто на нихъ за это не нападалъ. Онъ заявилъ, что вовсе не предлагаетъ новой тактики, а только слѣдуетъ старой.

Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ цитатъ, сопоставленныя со словами Фольмара.

Если бы спросили нашего совѣта, мы бы конечно иначе устроили единство Германіи въ 1870—71 г. Но, такъ какъ въ настоящій моментъ оно существуетъ такимъ, какъ оно есть, мы не будемъ тратить силъ на безконечные и безплодные упреки прошлому, а, признавъ совершившійся фактъ, сдѣлаемъ все возможное, чтобы улучшить это несовершенное твореніе *).	Присоединеніе Эльзасъ — Лотарингіи — совершившійся фактъ, и здѣсь, въ этой залѣ, мы съ своей стороны уже заявили самымъ категорическимъ образомъ, что признаемъ законнымъ современное положеніе вещей. Ауэръ, засѣданіе 9 февр. 91 г.
Если есть какая-нибудь рабочая партія, которая всегда исполняла и будетъ исполнять свой	Самый горячій приверженецъ интернаціонализма не скажетъ, что у насъ нѣтъ національныхъ обязанностей. Либкнехтъ, Конгрессъ въ Галлѣ, 15 окт. 1890 г.

*) Рѣчь идетъ объ единствѣ Германской имперіи, созданномъ „желѣзнымъ канцлеромъ". *Ред.*

долгъ международнаго братства, то это безусловно германская партія. Но это вовсе не исключаетъ для насъ существованія задачъ и обязанностей національныхъ.

Это счастливый признакъ, что у насъ есть во Франціи друзья соціалисты, которые борятся противъ шовинистическихъ тенденцій.

Но къ чему отрицать, что правительственныя сферы этой страны, благодаря своему пагубному шовинизму и отвратительному заигрыванію съ русскимъ бюрократизмомъ, являются причиной тревоги и все увеличивающагося вооруженія Европы?

Намъ нечего говорить, что дипломатія и ея дѣянія намъ внушаютъ мало довѣрія. Однако мы должны высказаться за тройственный союзъ, полезный тѣмъ, что онъ является поддержкой міра.

Я знаю, что Германія рѣшила поддерживать миръ. Я убѣжденъ, что ни въ высшихъ кругахъ, ни въ какомъ-нибудь другомъ слоѣ общества нѣтъ желанія толкнуть Германію на новую войну.

Но во всякомъ случаѣ насъ окружаютъ условія, независящія отъ нашей воли. Во Франціи, можно относиться къ этому отрицательно или сожалѣть, но въ господствующихъ кругахъ, какъ прежде, такъ и теперь думаютъ о томъ, какъ бы уничтожить послѣдствія войны 1870—71 г.

Франко-Русскій союзъ вызванъ именно этимъ обстоятельствомъ. Писанный или нѣтъ, онъ существуетъ и будетъ существовать, благодаря общности интересовъ этихъ двухъ странъ противъ Германіи.

Бебель, засѣданіе 25 іюня 90 г.

Если тройственный союзъ могъ быть заключенъ... то это было вслѣдствіе нѣкоторой общности интересовъ трехъ державъ, въ виду Франко-Русскаго соглашенія, каковы бы ни были взаимныя отношенія народовъ, населяющихъ эти страны...

Я убѣжденъ что пока будетъ существовать такое положеніе вещей, — ни одинъ государственный человѣкъ Австріи, Италіи или Германіи не пожелаетъ выйти изъ этого союза, такъ какъ этимъ онъ подвергнулъ бы свою страну большой опасности, если двѣ другія союзныя державы потерпятъ пораженіе въ какой-нибудь войнѣ.

Бебель, засѣданіе 25 іюня 90 г.

Если гдѣ-нибудь за границей надѣются на наше бездѣйствіе въ случаѣ нападенія на Германію, то такія надежды весьма напрасны. Съ того момента, какъ наша страна подвергнется нападенію—въ ней будетъ только одна партія, и мы, —соціалдемократы сумѣемъ не хуже другихъ исполнить нашъ долгъ.

Мы уже много разъ заявляли, и я это снова повторяю, что мы точно также готовы исполнить свой долгъ передъ отечествомъ, какъ и всѣ другіе граждане... Я знаю, что между нами нѣтъ никого, кто-бы думалъ объ этомъ иначе.

Ауэръ, засѣданіе 8 дек. 90 г.

Было сказано... что германскій рейхстагъ не заботится съ такимъ же усердіемъ о защитѣ своего отечества, какъ французскій парламентъ.

Такъ вотъ я заявляю, что когда дѣло идетъ о защитѣ отечества, всѣ партіи соединяются; когда дѣло идетъ о защитѣ противъ внѣшняго врага, ни одна партія не останется позади.

Либкнехтъ, засѣд. 16 мая 91 г.

Нападеніе на оффиціальную Россію, варварскую, жестокую, даже уничтоженіе ея, этого врага цивилизаціи, нашъ священный долгъ, который мы должны стараться выполнить до послѣдняго издыханія въ интересахъ стонущаго подъ кнутомъ, угнетеннаго русскаго народа. И если тогда мы будемъ драться въ рядахъ тѣхъ, кто теперь наши противники, то мы не будемъ это дѣлать, чтобы спасти ихъ и ихъ политическія и экономическія учрежденія; мы сдѣлаемъ это ради Германіи вообще, т. е. чтобы спастись самимъ и чтобы освободить отъ варваровъ страну, гдѣ намѣреваемся въ одинъ прекрасный день осуществить нашъ соціалистическій идеалъ.

Бебель. Vorwärrts 27 сентября 1891 г.

Теперь Либкнетъ можетъ утверждать, что „выхваченныя цитаты не имѣютъ никакого значенія“, что „основы, на которыя опирается Фольмаръ, рушатся“, послѣдній изъявляетъ готовность— и съ полнымъ основаніемъ—цитировать еще другія рѣчи въ совершенно такомъ же духѣ. Впрочемъ, Либкнехтъ самъ очевидно сознаетъ свою слабость, когда онъ соглашается, что „цитированныя слова“, если ихъ хорошенько взвѣсить, можетъ быть и не совсѣмъ непогрѣшимы; но это не мѣшаетъ ему протестовать противъ предположенія, что онъ, Бебель и Ауэръ „хотѣли предписать партіи новую тактику“. Однако же это предположеніе напрашивается всякому, кто имѣетъ хоть чуточку здраваго смысла, и всѣ заявленія Либкнехта и всей соціалистической фракціи не въ силахъ ослабить упрековъ Фольмара, основанныхъ на цитатахъ, съ избыткомъ доказывающихъ, что Бебель и Либкнехтъ говорили совершенно тоже самое, что и онъ. Слѣдовательно, нѣтъ никакого основанія нападать здѣсь на Фольмара, если только не хотятъ примѣнить пословицу: Quod licet Iovi non licet bovi. *)

Что же отвѣтилъ Фольмаръ на обвиненіе въ томъ, что онъ хочетъ начать новую тактику?

„Отстаиваемый мною планъ борьбы теоретически существовалъ и раньше, но не такъ цѣльно примѣнялся на практикѣ; въ доказательство этой непослѣдовательности я цитирую „молодыхъ“ съ ихъ революціонной фразеологіей. Я сказалъ въ своей рѣчи: „дѣятельность, которую я рекомендовалъ, уже практиковалась, какъ въ рейхстагѣ, такъ и внѣ его съ тѣхъ поръ, какъ былъ отмѣненъ исключительный законъ. Значитъ, я не выдумалъ, а только принялъ ее; впрочемъ, такъ дѣйствовали уже со времени Галльскаго конгресса. Теперь меньше, чѣмъ когда либо, можно уклониться отъ такого взгляда на вещи. Это ясно доказываетъ, что я имѣю въ виду существующую тактику, тактику, которая должна примѣняться согласно уставу партіи“.

Другой делегатъ, Шульце изъ Магдебурга, сказалъ:

„Я тоже неодобрительно отношусь къ политикѣ Фольмара, но онъ все таки, по моему мнѣнію, говоритъ лишь то, что уже дѣлалось всей фракціей“. А Ауербахъ, изъ

*) Что позволено юпитеру—не позволено быку.

Берлина, прибавляетъ: „способъ дѣйствія членовъ рейхстага неизбѣжно приводитъ къ тактикѣ Фольмара“.

Докторъ Шенланкъ восклицаетъ: „Рѣчи, произнесенныя Фольмаромъ въ Мюнхенѣ, были бы болѣе умѣстны въ устахъ какого-нибудь члена „Народной партіи“, чѣмъ въ устахъ соціалдемократа...

Вслѣдъ за непредвиденнымъ событіемъ, паденіемъ Бисмарка, Фольмаръ хочетъ полнаго измѣненія въ направленіи нашего движенія, а не только перемѣны тактики: революціонное понятіе, по которому современное угнетеніе рабочаго класса можетъ быть уничтожено только послѣ радикальнаго преобразованія производства, онъ хочетъ замѣнить какимъ то жиденькимъ, мелкобуржуазнымъ пониманіемъ цѣлей рабочей партіи, и онъ хочетъ, чтобы мы удовольствовались этими ничтожными уступками“.

Такого же мнѣнія и Ауэръ, когда онъ говоритъ: „Какъ въ своей брошюрѣ, такъ и въ своей рѣчи, Фольмаръ безспорно высказался за необходимость перемѣны тактики, которой мы держались до сихъ поръ!“ И Бебель, послѣ второй рѣчи Фольмара, вполнѣ правильно заявляетъ: „что нельзя согласиться съ увѣреніями Фольмара, будто бы онъ никогда и въ мысляхъ не имѣлъ предлагать новый способъ дѣйствія. Если бы дѣло шло о томъ, чтобы удержать старую тактику, то всѣ бы эти рѣчи были излишни“. Онъ видитъ, что Фольмаръ хочетъ какъ разъ обратнаго, такъ какъ „полное осуществленіе нашей программы составляетъ главную задачу, а все остальное имѣетъ только второстепенное значеніе. Для насъ не важно знать, какъ далеко мы ушли въ смыслѣ полученія нѣкоторыхъ уступокъ, когда мы думаемъ получить все. Наоборотъ, для Фольмара конечная цѣль имѣетъ въ настоящій моментъ только второстепенное значеніе, главная же цѣль—это непосредственно осуществимыя прямыя требованія. *Большей противоположности въ принципахъ не возможно придумать, и обязанность Конгресса—разрѣшить ее въ ту или другую сторону...*

Такія рѣчи, какъ Фольмаровскія, никогда бы не могли создать соціальную демократію. Подобныя идеи ведутъ къ національно-либеральному соціализму, т. е. къ введенію національно-либеральной тактики въ соціалдемократическую

партію. Бебель даже даетъ объясненіе эволюціи Фольмара, приписывая ее радикально измѣнившимся „условіямъ его личной жизни и тому общественному положенію, котораго онъ достигъ въ послѣдніе годы. Когда человѣкъ, занимающій господствующее мѣсто въ движеніи, достигнувъ иного общественнаго положенія, не находится больше въ постоянномъ соприкосновеніи съ толпой, то близка опасность, что онъ оставитъ общепринятый путь и утеряетъ чувство близости къ массамъ. Фольмаръ, благодаря своему положенію, а главное, болѣе выгоднымъ матеріальнымъ условіямъ, въ которыхъ онъ находится, уже нѣсколько лѣтъ болѣе или менѣе разобщенъ съ массами. Слишкомъ часто случается, что люди, находящіеся въ обстановкѣ, которую они сами для себя считаютъ удовлетворительной, склонны предполагать, что голодная масса испытываетъ такое же чувство довольства, и думаютъ: реформы не такъ ужъ крайне необходимы; надо быть осторожными, постараемся не торопясь, помаленьку достигнуть нашего идеала. Время терпитъ".

Это замѣчаніе вполнѣ оснавательно и практично; одно только насъ удивляетъ, почему никто изъ такъ наз. „молодыхъ" не поднялся и не сказалъ Бебелю: „развѣ это объясненіе фольмаровскаго способа дѣйствія не приложимо также и къ вамъ и къ вашимъ? Вы оставили революціонныя идеи, которыя вы когда то защищали и которымъ мы слѣдовали подъ вашимъ руководствомъ. Развѣ упреки, которые мы вамъ за это дѣлаемъ, объясняются не тѣми же самыми причинами, по которымъ вы такъ справедливо упрекаете Фольмара?

Какъ революціонеръ Бебель, когда онъ стоитъ предъ Фольмаромъ! И какъ рѣчь его можетъ служить „молодымъ" противъ него самого, по пословицѣ: De te fabula narratur (о тебѣ сказка сказывается).

„Если бы мы поступали, какъ хочетъ Фольмаръ, мы фатально превратились бы въ оппортюнистическую партію въ худшемъ смыслѣ слова. Такое превращеніе уподобило бы нашу партію живому существу, которому сломали позвоночный столбъ и потомъ потребовали отъ него того же напряженія силъ, какъ и раньше. Я противъ того, чтобы ломали позвоночный столбъ соціалдемократіи, т. е. отодви-

гали на второй планъ ея основной принципъ: борьбу неимущихъ классовъ противъ господствующихъ классовъ и государственной власти, и замѣнили его жиденькой агитаціей и борьбой за такъ наз. „практическія требованія“.

Итакъ, Бебель, Либкнехтъ, Ауэръ, Фишеръ и т. д. всѣ согласны, что Фольмаръ дѣйствительно въ своихъ рѣчахъ въ Мюнхенѣ предлагалъ новую тактику. Таково было общее мнѣніе даже послѣ рѣчей, произнесенныхъ Фольмаромъ на конгрессѣ.

Либкнехтъ сказалъ, что послѣ того, какъ онъ послушалъ Фольмара, онъ еще больше убѣдился, что конгрессъ долженъ высказаться по этому поводу, потому что, прибавилъ онъ, „хотя Фольмаръ и отрицаетъ, что онъ выставлялъ новую тактику, онъ ея хочетъ и ради этого занимаетъ у насъ аргументы, настоящій смыслъ которыхъ однако извращаетъ“.

Резолюція была необходима. Бебель предложилъ слѣдующую:

Конгрессъ заявляетъ:

Принимая во вниманіе, что завоеваніе политической власти есть первая и главная цѣль, къ которой должно стремиться всякое сознательное пролетарское движеніе, что, однако, завоеваніе политической власти не можетъ быть дѣломъ одной минуты, сюрпризомъ, дающимъ немедленно побѣду, а должно быть добыто усиленнымъ настойчивымъ трудомъ, при помощи правильнаго употребленія всѣхъ средствъ, находящихся въ нашемъ распоряженіи для распространенія нашихъ идей и усиліями всего рабочаго класса,

Конгрессъ постановляетъ:

Нѣтъ основанія мѣнять направленіе, существовавшее до сихъ поръ въ партіи.

Конгрессъ считаетъ, что его члены, главнымъ образомъ, обязаны всѣми способами добиваться успѣха при выборахъ въ рейхстагъ, ландтагъ и муниципальные совѣты вездѣ, гдѣ только есть шансы одержать побѣду, не нанося ущерба принципу. Не питая ни малѣйшихъ иллюзій на счетъ цѣнности парламентскихъ побѣдъ въ отношеніи нашихъ принциповъ, принимая во вниманіе узость и классовый эгоизмъ буржуазныхъ партій—конгрессъ считаетъ агитацію при вы-

борахъ въ рейхстагъ, ландтагъ и муниципальные совѣты особенно полезной для соціалистической пропоганды, такъ какъ она доставляетъ наилучшій случай войти въ соприкосновеніе съ рабочимъ классомъ и разъяснять ему его классовое положеніе. Конгрессъ считаетъ это полезнымъ также потому, что пользованіе парламентской трибуной самое дѣйствительное средство доказать, что политическая власть недостаточна для уничтоженія соціальнаго зла, и разоблачить передъ всѣмъ обществомъ неспособность правящихъ классовъ удовлетворять нарождающіяся потребности рабочаго класса.

Конгрессъ требуетъ отъ вожаковъ, чтобы они энергично и серьезно работали въ духѣ программы партіи и не теряли никогда изъ виду конечной цѣли, не забывая однако изъ за этого добиваться уступокъ отъ господствующихъ классовъ.

Кромѣ того, конгрессъ требуетъ отъ каждаго члена, въ частности, подчиненія рѣшеніямъ, принятымъ всей партіей и повиновенія предписаніямъ газетъ, пока онѣ не выходятъ за предѣлы данной имъ власти и, имѣя въ виду, что такая партія борьбы, какъ соціалдемократія, можетъ достигнуть своей цѣли только путемъ самой строгой дисциплины и самаго полнаго подчиненія, конгрессъ признаетъ необходимость этой дисплины и этого подчиненія.

Конгрессъ положительнымъ образомъ заявляетъ, что критиковать дѣйствія или ошибки, совершенныя органами или парламентскими представителями, есть право каждаго члена партіи, но онъ выражаетъ желаніе, чтобы критика эта велась въ формѣ, позволяющей фракціи, на которую нападаютъ, дать существенныя объясненія. Въ особенности конгрессъ настаиваетъ, чтобы никто изъ членовъ не публиковалъ обвиненій и личныхъ нападокъ, не убѣдившись предварительно вполнѣ въ основательности этихъ обвиненій и нападокъ и не испробовавъ предварительно всѣхъ средствъ, находящихся въ распоряженіи его, какъ члена партіи, чтобы получить удовлетвореніе.

Наконецъ, Конгрессъ того мнѣнія, что члены его должны всегда руководствоваться въ своемъ поведеніи основнымъ принципомъ Интернаціонала 1864 г., а именно: „истина, справедливость и нравственность должны разсматриваться,

какъ основа ихъ отношеній между собою и другими людьми, безъ различія цвѣта, религіи и національности".

Эта резолюція, какъ и большинство подобныхъ резолюцій, такъ неопредѣленна и банальна, что всякій можетъ ее принять. И именно то обстоятельство, что она можетъ быть принята всякимъ, и доказываетъ ее ничтожность. Фольмаръ тоже не видитъ въ ней никакого неудобства. Только онъ заявляетъ, что не можетъ принять объясненіе, которое даетъ ей Бебель. Конечно, говоритъ онъ, нѣтъ никакого основанія мѣнять характеръ дѣятельности партіи, подразумѣвая подъ этимъ, что тактика, защищаемая имъ, Фольмаромъ, всегда проводилась, хотя и нелогично. Все было ловко обдѣлано, затрудненія обойдены, а принятіе какого-нибудь прямого, категорическаго рѣшенія отлагалось на неопредѣленное время.

Одинъ изъ делегатовъ, Эртель изъ Нюренберга, повидимому, понялъ это. Онъ хотѣлъ вызвать категорическое заявленіе относительно поведенія Фольмара и съ этою цѣлью предложилъ прибавить къ резолюціи Бебеля слѣдующую поправку: „конгрессъ формально заявляетъ, что онъ не раздѣляетъ мнѣнія, защищаемаго Фольмаромъ въ его двухъ рѣчахъ, произнесенныхъ въ Мюнхенѣ 1-го іюня и 6-го іюля, касающихся вопросовъ о главной задачѣ германской соціалдемократіи и новой тактикѣ, а, напротивъ, считаетъ ее вредною для дальнѣйшаго развитія партіи".

Въ добрый часъ! Вотъ это было ясно (отъ послѣдней части поправки авторъ самъ отказался). Что же думали вожаки объ этой поправкѣ?

Ауэръ требуетъ, чтобы конгрессъ принялъ резолюцію Бебеля съ *поправкой Эртеля.*

Фишеръ тоже за принятіе.

Либкнехтъ объявляетъ, что „принятіе поправки Эртеля сдѣлалось *абсолютной необходимостью для партіи*". Онъ считаетъ нужнымъ даже прибавить: „въ интересахъ истины я очень радъ, что это предложеніе было сдѣлано: что же касается меня, то я буду голосовать за и я надѣюсь, что подавляющее большинство конгресса выскажется за резолюцію Эртеля. *Если она не будетъ принята*, то оппозиція будетъ права и, въ такомъ случаѣ, я самъ перейду въ оппозицію". Бебель прибавилъ, что конгрессъ непремѣнно долженъ высказаться точно и опредѣленно. Въ той резолюціи

очевидно есть что-то туманное, потому что и самъ Фольмаръ согласенъ принять ее, за исключеніемъ мотивовъ, и Ауэрбахъ (изъ оппозиціи) принимаетъ ее цѣликомъ. Итакъ, и крайняя правая и крайняя лѣвая согласны съ авторомъ предложенія относительно формы послѣдняго. Эртель же ненавидитъ околичности и готовъ, если нельзя иначе, разрубить гордіевъ узелъ. Фольмару приходится убѣдиться, что его идеи не находятъ здѣсь отклика, а потому необходимо высказаться категорически: *да* или *нѣтъ. Значитъ всѣ считаютъ необходимой поправку Эртеля...*

По мнѣнію Фольмара, онъ не можетъ принять этой поправки, потому что она направлена противъ личности и носитъ характеръ недовѣрія. Либкнехтъ заявляетъ, что въ ней нѣтъ ничего личнаго, такъ какъ дѣло совсѣмъ не шло о личности Фольмара. Бебель говоритъ тоже самое. „Рѣчь идетъ не о порицаніи, а о различіи взглядовъ. Не нужно стараться видѣть въ этой резолюціи выраженія недовѣрія". Онъ хотѣлъ этимъ дать возможность Фольмару, поразмысливъ и вполнѣ ознакомившись съ мнѣніемъ Конгресса, найти удобный способъ отказаться отъ защищаемыхъ идей.

Сколько предусмотрительности по отношенію къ Фольмару! Несмотря на свои энергичныя заявленія, вожаки партіи всетаки принуждены быть осторожными съ такимъ человѣкомъ, какъ Фольмаръ, въ особенности, когда онъ заявляетъ:

„Если предложеніе Эртеля будетъ принято, мнѣ останется только вамъ сказать, что я говорю съ вами послѣдній разъ". Онъ принимаетъ резолюцію по существу дѣла, въ томъ видѣ, въ какомъ она была предложена Бебелемъ, но считаетъ невозможнымъ допустить личную критику, заключающуюся въ предложеніи Эртеля?

Что теперь дѣлать?

Порвать съ Фольмаромъ? Это слишкомъ рискованно.

Развѣ Бебель не заявилъ категорически, что „рѣчь, произнесенная здѣсь Фольмаромъ, нашла больше одобренія, чѣмъ его собственныя слова; онъ признаетъ это открыто". Бебель, повидимому, не питаетъ большого довѣрія къ членамъ партіи, заклиная ихъ поступать вполнѣ сознательно и не дать себя соблазнить „ни красивымъ фразамъ рѣчи Фольмара, ни его прекраснымъ глазамъ".

Тутъ встаетъ Эргардтъ изъ Людвигсгауфена и вноситъ слѣдующее половинчатое предложеніе: „послѣ того, какъ Фольмаръ высказался безъ всякихъ оговорокъ относительно мнѣнія, развитаго Бебелемъ и другими ораторами по вопросу о сохраненіи прежней тактики, конгрессъ объявляетъ всѣ споры по поводу резолюціи Эртеля законченными и переходитъ къ порядку дня“.

Это якорь спасенія! Теперь только надо за него ухватиться и все кончено. То, что было потомъ, сильно смахиваетъ на комедію.

Эртель заявилъ, что онъ возьметъ назадъ свою поправку, если Фольмаръ хочетъ дѣйствовать сообразно послѣднему предложенію (какъ примирить это съ его собственнымъ ультиматумомъ: „Фольмаръ не можетъ стать на точку зрѣнія резолюціи Бебеля, такъ какъ онъ сказалъ: „изъ всего этого слѣдуетъ, что наша тактика не можетъ быть одна и та же“. Бебель же заявилъ, что нѣтъ никакого основанія мѣнять существующую тактику. Слѣдовательно, Фольмаръ долженъ высказаться яснѣе. Принципіальное обсужденіе и въ будущемъ принесетъ прекрасные плоды“). Тогда Фольмаръ торжественно заявляетъ: „я уже сказалъ въ своей рѣчи, что если вопросъ обсуждается серьезно, я принимаю споръ, лишь бы онъ не имѣлъ цѣлью нападать на личности. Разъ тотъ, кто внесъ предложеніе, откинулъ отъ него личную сторону, я считаю для себя дѣло поконченнымъ“.

Въ сущности Фольмаръ не сказалъ ничего категорическаго, но онъ выказалъ себя дипломатомъ. И это не мѣшаетъ ему выйти изъ дебатовъ побѣдителемъ. А что же сдѣлали всѣ другіе, которые считали абсолютно необходимымъ принять предложеніе Эртеля, (въ которомъ, по ихъ положительному заявленію, они не видятъ личнаго характера)? Они согласились съ тѣмъ, чтобы предложеніе было взято обратно, и никто изъ нихъ не рѣшился внести его отъ своего имени!

Никто не осмѣливался нападать на Фольмара. Съ „молодыми“ было менѣе рискованно; поэтому предпочли отгородиться вправо. До сихъ поръ мы еще не слыхали, чтобы Либкнехтъ перешелъ къ „молодымъ“, а между тѣмъ пред-

ложеніе Эртеля не было принято. Значитъ, все по прежнему! Остается только узнать, оправдываютъ ли событія слѣдующія слова Ауэрбаха: „я боюсь, какъ бы Либкнехтъ, онъ самъ это сказалъ, не перешелъ черезъ годъ или два на сторону Берлинской оппозиціи, если не будетъ принято предложеніе Эртеля“. Мы боимся обратнаго, потому что, разъ вступаешь на покатую плоскость, то быстро скатываешься внизъ. Слишкомъ многіе германскіе соціалисты стоятъ за тактику Фольмара, чтобы она не имѣла шансовъ восторжествовать.

Можно даже спросить себя, не было ли отклонено предложеніе Эртеля и взято имъ обратно изъ страха, что оно явится опасностью для Бебеля. Отклоненіе этого предложенія было осужденіемъ политики соціалистической фракціи въ рейхстагѣ. Оппозиція уже принесла свою пользу, потому что кто знаетъ, что случилось бы безъ нея. Если бы не она, парламентскій элементъ пошелъ бы слишкомъ далеко по тому пути, на который онъ вступилъ. Сама того не замѣчая, она удержала его. Косвеннымъ образомъ она достигла хорошихъ результатовъ, потому что, зная теперь, что за ними наблюдаютъ, парламентаристы будутъ остерегаться гнуть слишкомъ вправо.

Впрочемъ, будущее покажетъ, не пойдетъ ли парламентская фракція фатальнымъ образомъ все болѣе и болѣе въ этомъ направленіи, и тогда интересно наблюдать поведеніе тѣхъ, которые хотя и вышли на этотъ разъ побѣдителями изъ борьбы, но цѣною уступки Фольмару, имѣвшему возможность покинуть конгрессъ довольнымъ. Вѣдь онъ не сдѣлалъ ни одного шага влѣво; это его „противники“ повернули вправо, ему навстрѣчу. Для безпристрастныхъ читателей отчетовъ конгресса въ этомъ и заключается его ясная мораль.

Теперь посмотримъ, какую позицію занялъ конгрессъ по отношенію къ „молодымъ“, къ „берлинской оппозиціи“. Дебаты произвели на насъ такое впечатлѣніе, что оппозиція была осуждена до начала обсужденія. Съ ними нечего было особенно церемониться, такъ какъ конгрессъ хорошо зналъ свое дѣло. Зингеръ вполнѣ опредѣленно заявилъ: „взгляды Фольмара гораздо опаснѣе для партіи, чѣмъ мнѣнія „молодыхъ“ и ихъ „лидеровъ“. Это часто бываетъ такъ:

правая считается опаснѣе лѣвой. И, дѣйствительно, человѣчество въ своей жизни больше страдало отъ поворотовъ вправо, чѣмъ отъ поворотовъ влѣво.

Одинъ изъ ораторовъ оппозиціи, Вильдбергеръ, чтобы лучше защитить свою точку зрѣнія на одинъ изъ основныхъ вопросовъ—парламентаризмъ—ссылался, главнымъ образомъ, на брошюру Либкнехта, вышедшую въ 1869 г.- Изъ предисловія къ одному изъ послѣдующихъ изданій этой брошюры мы узнаемъ, что пять лѣтъ спустя—въ 1874 г.—Либкнехтъ сохранилъ тѣ же взгляды, какихъ онъ держался съ учрежденія рейхстага. Онъ говоритъ тамъ, между прочимъ, слѣдующее: „я ни слова не беру назадъ, въ особенности изъ того, что касается моей критики бисмаркскаго парламентаризма, который въ нѣмецкомъ рейхстагѣ проявляется не съ меньшей силой, чѣмъ когда-то въ рейхстагѣ Сѣверной Германіи. На конгрессѣ въ Галлѣ 1890 г. онъ тоже говорилъ, что когда-то осуждалъ парламентаризмъ, но, прибавилъ онъ, „въ то время политическія условія были совершенно иныя: федерація Сѣв. Германіи не удалась, а Германской Имперіи еще не было“. Но предисловіе къ брошюрѣ 1874 г. находится въ противорѣчіи съ этимъ разсужденіемъ. Затѣмъ Либкнехтъ хочетъ увѣрить, что это вопросъ вовсе *не принципа, а тактики;* а въ практическихъ вопросахъ онъ въ особенности либераленъ, такъ какъ онъ заявляетъ готовность измѣнить современемъ тактику, если обстоятельства того потребуютъ. Итакъ, стоитъ только помѣстить какой-нибудь вопросъ подъ рубрикой *тактика,* и тогда можно во всякое время мѣнять мнѣніе. Извѣстно, впрочемъ, что Либкнехтъ еще очень недавно высказалъ совершенно такіе же взгляды на парламентаризмъ, какіе защищаютъ теперь „молодые“.

На конгрессѣ въ Готѣ 1876 г. онъ говорилъ: „еслибы соціалдемократія приняла участіе въ этой комедіи, она сдѣлалась бы благонадежной соціалистической партіей. Но она не приметъ участія ни въ какой комедіи“. Думалъ ли онъ тогда, что настанетъ день, когда его будутъ обвинять, что онъ самъ играетъ эту комедію? А Бебель? Развѣ онъ не высказался также противъ современной тактики, когда на Сенъ-Гальскомъ конгрессѣ заявилъ, что нисколько не жалѣетъ о маломъ числѣ избранныхъ депутатовъ, потому что, приба-

вилъ онъ, если бы ихъ было больше, онъ считалъ бы такое соблазнительное положенiе очень опаснымъ; наклонность къ компромиссамъ и такъ называемая „практическая дѣятельность“ вѣроятно увеличилась бы и это вызвало бы расколъ. Упрекъ, бросаемый оппозицiей, и заключается въ томъ, что эти взгляды забыты и это, главнымъ образомъ, благодаря достигнутымъ успѣхамъ.

Либкнехтъ утверждаетъ далѣе, что Вильдбергеръ повторилъ на конгрессѣ только то, что уже тысячу разъ до него было сказано лучше и сильнѣе. Онъ даже согласенъ принять добрую часть сказаннаго; но это не мѣшаетъ ему прибавить, что, кто становится на эту точку зрѣнiя, тотъ долженъ совершенно порвать съ парламентаризмомъ и имѣть мужество открыто объявить себя анархистомъ.

На это Ауэрбахъ весьма находчиво отвѣчаетъ: „мы и до сихъ поръ считаемъ правильными большую часть идей, изложенныхъ Либкнехтомъ въ его брошюрѣ 1869 г., а, между тѣмъ, я не думаю, чтобы депутата Либкнехта когда-нибудь упрекали въ склонности къ анархiи или въ желанiи сдѣлаться анархистомъ. А въ 1869 г. на основанiи брошюры его можно было бы упрекнуть въ той же анархической тактикѣ, въ какой онъ упрекаетъ теперь насъ“.

Это обвиненiе въ анархизмѣ является у Либкнехта, кажется, чѣмъ то въ родѣ манiи. Онъ пускаетъ его въ ходъ противъ всякаго противника.

Несмотря на то, что онъ увѣряетъ на каждомъ шагу, что „анархизмъ не имѣетъ никакого значенiя“, что всѣхъ анархистовъ Европы можно было бы запрятать въ пару корзинокъ для салата—анархизмъ этотъ всюду преслѣдуетъ его, какъ кошмаръ. Стоитъ только разойтись съ нимъ во мнѣнiяхъ, чтобы сдѣлаться „анархистомъ“, а тамъ остается одинъ только шагъ, чтобы васъ обозвали шпiономъ. Намъ нѣтъ надобности защищать анархистовъ, но мы протестуемъ противъ подобнаго образа дѣйствiя и заявляемъ, что нельзя смотрѣть на слово анархистъ, какъ на какое то ругательство, которое заставляетъ краснѣть. Имена чикагскихъ мучениковъ, Элизе Реклю, Крапоткина и многихъ другихъ достаточны, чтобы навсегда отбросить эти злостныя инсинуацiи.

Мы оставляемъ въ сторонѣ всѣ личные вопросы, нисколько насъ не интересующiе, какъ потому, что они ни

съ какой стороны насъ не затрагиваютъ, такъ и потому, что обѣ стороны были вѣроятно неправы. Но никто не можетъ упрекнуть Вильдбергера и Ауэрбаха въ томъ, что они не вели серьезнаго и упорнаго спора.

Вотъ одно изъ доказательствъ, какъ парламентская тина засасываетъ все болѣе и болѣе. Вильдбергеръ ссылался, между прочимъ, на тактику парламентской фракціи по вопросу о восьмичасовомъ днѣ. На международномъ конгрессѣ въ Парижѣ было единогласно рѣшено начать общую агитацію за немедленное введеніе восьмичасового дня. Соціалистическіе депутаты въ рейхстагѣ внесли въ него предложеніе ввести въ *1890 г. десятичасовой* день, въ *1894—девятичасовой* и, наконецъ, въ *1898 г.—восьмичасовой*. Такимъ образомъ, чтобы добиться при помощи рейхстага установленія восьмичасового дня, пришлось бы ждать восемь лѣтъ!

Если бы мы хотѣли быть злыми, мы спросили бы—нѣтъ ли какой-нибудь связи между этимъ годомъ и указаніемъ Энгельса на тотъ же 1898 г., какъ на „эпоху великой катастрофы". А если это такъ, то позволительно предположить, что достиженіе восьмичасового дня признается счастливымъ результатомъ этой катастрофы. Представляемъ безпристрастному читателю рѣшить самому, не равносильно ли это отказу отъ конечной цѣли. Во всякомъ случаѣ, мы считаемъ непростительной ошибкой вносить подобный проектъ закона. И основательность того, что говорила оппозиція, съ несомнѣнностью явствуетъ изъ заявленія Молькенбура. Этотъ послѣдній отрицаетъ всякое право на существованіе для оппозиціи, въ виду того, что въ настоящее время и десятичасовой день является уже большимъ прогрессомъ, и при этомъ добавляетъ, что законопроектъ соціалистической фракціи радикальнѣе того, что уже введено въ Швейцаріи и Австріи. Другими словами, мы должны быть уже очень довольны, если добьемся десятичасового дня, а восьмичасовой является для насъ вопросомъ второстепеннымъ! И неужели, послѣ подобныхъ заявленій, спрашиваемъ мы еще разъ, такъ ужъ далеко отъ истины обвиненіе, что парламентаризмъ дѣйствуетъ развращающимъ образомъ?

Всѣ согласны съ Либкнехтомъ, когда онъ такъ добросовѣстно предостерегаетъ отъ опортюнизма, тре-

буя сохраненія революціоннаго характера партіи, и когда онъ заявляетъ, что „компромиссъ между капитализмомъ и соціализмомъ невозможенъ въ виду того, что всѣ буржуазныя партіи основываются на капитализмѣ. (Какъ это отличается отъ его „министерской“ рѣчи въ Галлѣ, въ которой онъ говоритъ, что „въ Германіи дѣла находятся въ такомъ положеніи, что нельзя избѣжать параллельнаго дѣйствія съ буржуазными партіями до извѣстной степени!“). Даже оставляя на время въ сторонѣ фразу о „реакціонной массѣ, единой и нераздѣльной“, мы всетаки не должны упускать изъ виду, что всѣ другія партіи представляютъ компактную массу, образующую крѣпость, которую нельзя разрушить кротостью или хорошими словами. Ее долженъ приступомъ взять народъ, сознавшій свое особое классовое положеніе. Никто также не ставитъ въ вину Зингеру его заявленіе, что онъ убѣжденъ — „если бы соціалдемократамъ удалось заставить рейхстагъ принять нѣсколько законопроектовъ, правящіе классы безъ малѣйшаго колебанія выкинули бы за бортъ всеобщее избирательное право и воспользовались бы всѣми политическими и матеріальными средствами, находящимися въ ихъ распоряженіи, чтобы помѣшать попасть въ рейхстагъ слишкомъ большому числу соціалистовъ“. Сверхъ того онъ заявляетъ, что „даже предполагая—совершенно произвольно притомъ,—что было бы возможно добиться чего нибудь *путнаго* (sic!) (какъ это утѣшительно, когда становится само собой очевидно, что ничего путнаго сдѣлать нельзя!) нашей парламентской работой, эта работа неизбѣжно привела бы къ измельчанію партіи, такъ какъ она возможна только въ союзѣ съ другими партіями“. А кто рѣшится осуждать Бебеля, когда онъ твердо защищаетъ и поддерживаетъ революціонный принципъ соціалдемократіи передъ лицомъ всѣхъ другихъ политическихъ партій?

Есть однако много правды въ словахъ Ауэрбаха, обращенныхъ къ членамъ фракціи и всѣмъ ихъ приспѣшникамъ: „съ политикой, защищаемой Бебелемъ, можно быть согласнымъ до извѣстной степени. *Но партія не дѣйствуетъ сообразно этой тактикѣ!* Она слѣдуетъ тактикѣ, которую Фольмаръ не только изложилъ, но и примѣнялъ на практикѣ“.

Мы теперь подходимъ къ чему то неопредѣленному,— ни рыба, ни мясо,—къ помѣси теоріи Вильдбергера съ практикой Фольмара. Этотъ дуализмъ заранѣе осужденъ. И, по нашему мнѣнію, разложеніе средней партіи (партіи Бебеля и Либкнехта) есть только вопросъ времени. Часть отойдетъ къ „молодымъ", большая часть, можетъ быть, присоединится *къ Фольмару, а фракція рейхстага останется* одинокой, если только не сдѣлаетъ рѣшительнаго поворота влѣво или вправо.

Вильдбергеръ поддерживалъ различные пункты обвиненія, которые формулированы въ брошюрѣ, изданной въ Берлинѣ, и которые такъ возмутили нѣкоторыхъ вожаковъ партіи, что они не могли скрыть своего негодованія. Можетъ быть они воображали, что они одни имѣютъ право громить Фольмара, отрицая за другими право поступать такъ же по отношенію къ нимъ. Фольмаръ былъ, конечно, совершенно правъ, говоря, что трудно ставить въ упрекъ берлинской оппозиціи брошенное ею обвиненіе въ опошленіи тѣмъ, кто позволялъ себѣ такую же грубость по отношенію къ нему.

Теперь разсмотримъ обвинительные пункты, формулированные „молодыми".

1) Революціонный духъ партіи систематически убивается нѣкоторыми вожаками.

2) Существующая диктатура душитъ всякое демократическое чувство, всякую демократическую мысль.

3) Движеніе въ цѣломъ все болѣе и болѣе теряло свой боевой хорактеръ и сдѣлалось просто на просто партіей реформъ съ „мелко-буржуазными" тенденціями.

4) Все пущено въ ходъ, чтобы добиться примиренія между пролетаріями и буржуа.

5) Законопроекты, требующіе рабочаго законодательства и учрежденія сберегательныхъ и страховыхъ кассъ, уничтожили воодушевленіе среди членовъ партіи.

6) Постановленія большинства фракціи обыкновенно принимаются, сообразуясь съ мнѣніемъ другихъ партій и классовъ общества, и облегчаютъ, такимъ образомъ, отклоненія вправо.

7) Тактика плоха и пагубна.

Ауэрбахъ объясняетъ, почему онъ думаетъ, что теченіе, дѣлающееся все болѣе и болѣе полубуржуазнымъ, становится

опаснымъ, и чѣмъ страшна оппортюнистическая политика. Онъ находитъ смѣшнымъ спрашивать себя постоянно, что думаютъ противники о той или иной мѣрѣ. Когда Либкнехтъ и Бебель защищали въ парламентѣ сѣверогерманской федераціи соціалдемократическую программу со всѣми ея крайними выводами, они были ошиканы и осмѣяны ихъ противниками; развѣ они когда-нибудь волновались изъ-за этого? Ауэрбахъ цитируетъ также письмо швейцарца Ланга изъ Цюриха, въ которомъ Лангъ выражалъ опасенія по поводу поведенія Фольмара „въ виду того, что шансы для появленія поссибилистской партіи во всѣхъ странахъ очень велики".

Что же отвѣтилъ на все это Бебель?

На обвиненіе въ существованіи диктатуры въ партіи онъ отвѣтилъ, что все, приводимое Вильдбергеромъ въ защиту этого утвержденія, существовало ранѣе конгресса въ Галлѣ, и отчасти даже со времени изданія исключительнаго закона. На упрекъ, что фракція требуетъ полубуржуазныхъ реформъ, онъ отвѣтилъ только, что во время выборовъ Вильдбергеръ въ своихъ прокламаціяхъ говорилъ совершенно то же, что и другіе кандидаты. Такимъ образомъ, онъ отдѣлался отъ вопроса, нападая на *форму* интерпелляцій. Защита Бебеля очень слаба; это бьетъ въ глаза всѣмъ, кто внимательно и безпристрастно перечитываетъ дебаты, опубликованные въ отчетѣ конгресса. Если Бебель и Либкнехтъ говорятъ правду, увѣряя, что они предпочитаютъ быть на сторонѣ ультрареволюціонеровъ, чѣмъ на сторонѣ усыпителей, то мы не понимаемъ, почему предложеніе дѣйствовать энергично и свободная и открытая критика поведенія фракціи вызвали такое неудовольствіе. Нѣтъ дыма безъ огня. Если есть оппозиція, значитъ есть и причина для этого; они же, вмѣсто того, чтобы искать ее, мечутся, какъ бѣсъ передъ заутреней—лишь бы извернуться и хотятъ заставить думать, что оппозиція не имѣетъ никакой почвы и существуетъ лишь для того, чтобы устраивать обструкцію, во что бы то ни стало! Въ доказательство плодотворности избраннаго пути Либкнехтъ указываетъ на достигнутые блестящіе результаты.

Это создаетъ крайне опасный прецендентъ, противъ котораго невозможно достаточно энергично протестовать.

Развѣ авантюристъ Наполеонъ III не избралъ своимъ девизомъ: „Успѣхъ оправдываетъ все"? Иначе говоря, преклоненіе передъ успѣхомъ есть верхъ безстыдства, одинаково у Наполеона III, какъ и у Либкнехта.

Однако надежды Либкнехта и Бебеля касательно предстоящихъ событій во многомъ разнятся между собой. Когда Либкнехтъ говоритъ: „мы составляемъ самое большое 20% населенія, а 80% противъ насъ", онъ очевидно предполагаетъ, что соціалдемократамъ понадобится много времени на то, чтобы составить большинство. Фольмаръ прибавляетъ: „было бы смѣшно съ нашей стороны требовать,—и, какъ демократы, мы не имѣемъ даже права,—чтобы эти 80% подчинились намъ. Все, что мы можемъ дѣлать, это постепенно привлекать къ намъ эти 80%". Они, значитъ, хотятъ законнымъ и мирнымъ путемъ добиться большинства. Но развѣ найдется человѣкъ настолько наивный, скажемъ прямѣе, настолько невѣжественный, чтобы вѣрить, что въ тотъ день, когда большинство будетъ на нашей сторонѣ, буржуазія уступитъ и отречется отъ своихъ прерогативъ? Сила находится въ рукахъ установленныхъ властей и, какъ говорилъ философъ Спиноза, „каждый имѣетъ ровно столько же права, сколько онъ имѣетъ власти". Развѣ Бисмаркъ не правилъ нѣкоторое время безъ бюджета и безъ большинства въ сѣверогерманскомъ парламентѣ? Развѣ въ Даніи правительство не держится въ продолженіи столькихъ лѣтъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, несмотря на враждебное ему парламентское большинство? Слѣдовательно, правители не безпокоятся,—большинство за ними или меньшинство. Они располагаютъ грубой силой и въ случаѣ нужды ничуть не постѣсняются насильственно уничтожить парламентское большинство и останутся господами. Меньшинство всегда было въ исторіи въ нѣкоторомъ родѣ „двигательной силой", а если мы должны ждать, пока мы не дойдемъ отъ 20% до 60 или 80%, то долго намъ придется дожидаться.

Бебель иначе смотритъ на вещи. Правда, онъ предостерегаетъ отъ провокацій и доказываетъ, что въ наше время магазинныхъ ружей и усовершенствованныхъ пушекъ революція, предпринятая нѣсколькими сотнями тысячъ, безспорно будетъ подавлена. Тѣмъ не менѣе, онъ говоритъ, что возлагаетъ большія надежды на ближайшее будущее. Онъ выра-

жается такъ: „я думаю, что мы можемъ только радоваться ходу дѣлъ. Лишь тѣ, кто не въ состоянiи даже охватить совокупность событiй, могутъ не соглашаться съ этой оцѣнкой. Буржуазное общество съ такимъ ожесточенiемъ работаетъ надъ собственнымъ разрушенiемъ, что намъ остается только спокойно ждать, чтобы захватить ускользающую изъ его рукъ власть. Во всей Европѣ, какъ и въ Германiи, дѣла принимаютъ такой оборотъ, который можетъ только радовать насъ. Я скажу даже, что полное осуществленiе нашего конечнаго идеала такъ близко, что лишь немногiе изъ присутствующихъ въ залѣ не увидятъ его наступленiя".

Бебель, слѣдовательно, ожидаетъ скораго измѣненiя современнаго положенiя въ пользу нашихъ идей, что не мѣшаетъ ему нисколько говорить о „безсмысленности революцiи, начатой нѣсколькими сотнями тысячъ индивидуумовъ". Какъ согласить эти два положенiя?

Во всякомъ случаѣ онъ больше оптимистъ, чѣмъ Либкнетъ и Фольмаръ, и онъ тѣшитъ себя такими иллюзiями, что соглашается съ Энгельсомъ—по поводу предсказанiя послѣдняго, назначившаго эпоху революцiи на 1898 г.—и называетъ себя единственнымъ „молодымъ" въ партiи. Остается рѣшить, не слишкомъ ли далеко заходитъ этотъ оптимизмъ, когда пишутъ, какъ это дѣлаетъ Энгельсъ: „на выборахъ 1895 г. мы можемъ расчитывать по меньшей мѣрѣ на 2,500,000 голосовъ; къ 1900 году число нашихъ избирателей достигнетъ 3,500,000—4,000,000,—прiятное для буржуазiи окончанiе этого столѣтiя" *). Что касается насъ, то мы пока не можемъ раздѣлять этихъ надеждъ, высказываемыхъ Энгельсомъ съ такимъ абсолютнымъ довѣрiемъ, какъ будто осуществленiе соцiализма должно упасть къ намъ съ неба, безъ малѣйшихъ усилiй съ нашей стороны.

Развивая ихъ мечты, мы уже видимъ Бебеля и Либкнехта имперскими канцлерами при Вильгельмѣ II, съ министерствомъ, составленномъ изъ соцiалдемократовъ.

Вотъ они и за работой! Сколько наивности нужно, чтобы вообразить, будто изъ этого можетъ получиться что нибудь!

*) Neue Zeit, выпускъ 19-й, X-й годъ.

Несомнѣнно, если уже и теперь опортюнизмъ не внушаетъ имъ отвращенія, мы не удивились бы, увидавъ, что, достигнувъ власти, они еще усовершенствуются въ этомъ направленіи. Если они добьются власти, это послужитъ только къ гибели соціализма, который, потерявъ всѣ свои существенныя и типическія черты, будетъ очень мало походить на идеалъ, создаваемый въ настоящее время его предтечами. Среди этихъ милліоновъ избирателей очень быстро произошелъ бы расколъ, а отсюда въ результатѣ получилась бы ужасающая путаница. Примѣръ этому мы имѣемъ въ христіанствѣ начала нашей эры, при императорѣ Константинѣ.

Почему, въ самомъ дѣлѣ, въ цѣляхъ политики императору не облечься въ мантію цвѣта крови, чтобы въ качествѣ императора-соціалиста привлечь къ себѣ симпатіи массъ? Тогда получился бы оффиціальный соціализмъ, какъ было оффиціальное христіанство, а тѣхъ, кто остался бы вѣрнымъ истиннымъ соціалистическимъ принципамъ, преслѣдовали бы, какъ еретиковъ.

Мы это уже видали. Почему не воспользоваться уроками исторіи?

Въ каждомъ человѣкѣ живетъ инквизиторъ, и чѣмъ болѣе люди убѣждены въ справедливости своихъ взглядовъ, тѣмъ болѣе они бываютъ также склонны подозрѣвать и преслѣдовать другія мнѣнія. Никогда мы не видали болѣе поразительнаго примѣра этому, какъ въ Робеспьерѣ, честность котораго никто не заподозритъ. А развѣ мы не видимъ уже теперь инквизиторскаго и нетерпимаго отношенія къ „молодымъ" со стороны оффиціальной нѣмецкой соціалистической партіи?

Это зависитъ не столько отъ личностей, сколько отъ данной имъ власти.

Личность, облеченная какой-нибудь властью, хочетъ и должна ее использовать, а отсюда до злоупотребленія одинъ шагъ. Вотъ почему мы постоянно констатируемъ одно и то же зло, форма котораго измѣнилась, не затронувъ сущности, а потому нужно предоставлять личностямъ какъ можно меньше власти, и онѣ не должны ея требовать. Если правда, что помимо случайности войны, соціалдемократическая партія въ Германіи можетъ „предсказать почти съ матема-

тическою точностью, когда она достигнетъ власти", то положеніе поистинѣ превосходно; но, не будучи лишены нѣкоторой доли оптимизма, мы все же не можемъ раздѣлить это мнѣніе. Именно Эрфуртскій Конгрессъ привелъ насъ къ глубокому убѣжденію, что Германія не возьметъ на себя роль освободительницы, традиціонную для Франціи. Скорѣе мы согласны съ мнѣніемъ Маркса, сказавшаго, что „революція вспыхнетъ при пѣніи галльскаго пѣтуха".

Имѣя передъ глазами исторію Германіи, мы, думается, можемъ утверждать, что въ этой странѣ революціонное чувство очень мало развито. Надо ли приписать огромному количеству потребляемаго пива это почти абсолютное отсутствіе революціоннаго чувства въ Германіи? Несомнѣнно одно, именно, что слово „дисциплина" гораздо больше въ употребленіи въ этой странѣ, чѣмъ слово „свобода", и это во всѣхъ партіяхъ, не исключая и соціалдемократіи. Мы не отрицаемъ хорошую сторону нѣкотораго рода дисциплины и въ особенности для партіи борьбы, но если доходятъ до чрезмѣрности, дисциплина становится серьезнымъ препятствіемъ для всякой иниціативы и самостоятельности.

Направленіе группы, имѣющей подобную дисциплину, фатально приводитъ къ деспотизму, являющемуся дѣломъ не столько отдѣльныхъ личностей, сколько послѣдствіемъ духа пассивнаго подчиненія въ массѣ. Не деспоты дѣлаютъ народъ покорнымъ и смирнымъ, но отсутствіе освободительныхъ стремленій въ массѣ дѣлаетъ тирановъ возможными. Это все равно, какъ съ іезуитами. Зачѣмъ ихъ преслѣдовать и изгонять? Если горсть людей представляетъ такую опасность для цѣлой націи, значитъ послѣдняя находится дѣйствительно въ плачевномъ положеніи. Не іезуиты создаютъ тартюфовъ, а наоборотъ, лицемѣрное общество, вродѣ нашего, представляетъ среду, благопріятную для развитія іезуитизма.

Чрезмѣрная дисциплина, господствующая у нѣмецкихъ соціалдемократовъ, объясняется очень естественно національной жизнью всего народа.

Въ странѣ все дрессируется по военному съ самаго нѣжнаго возраста, и если на Брюссельскомъ конгрессѣ разсматривался вопросъ объ отношеніи соціализма къ милитаризму, то, можетъ быть, полезно было бы также обсу-

дить воздѣйствіе милитаризма на соціализмъ, потому что это явленіе существуетъ на практикѣ. Россія по справедливости всегда представляется страной кнута, но Германія не менѣе справедливо можетъ считаться страной палки. Это орудіе составляетъ въ Германіи главный воспитательный элементъ. Въ семьяхъ палка имѣетъ свое мѣсто рядомъ съ развѣшанными по стѣнамъ картинами, и обыкновенно родители щедро пользуются ею въ отношеніи своего потомства. Въ школѣ учитель не только употребляетъ ее, но и имѣетъ *право* пользоваться ею. Поэтому дѣти, выходя изъ школы и поступая въ мастерскую или на фабрику, ничуть не удивляются, встрѣчая и тамъ свою старую знакомку, а въ арміи палка достигаетъ вершины своего могущества.

Возможно ли, чтобы вліяніе палки, испытываемое съ дѣтства, не давало себя чувствовать въ развитіи характера и не порождало духъ подчиненія, убивающій всякое освободительное стремленіе. Кого хотятъ заставить этому повѣрить?

Вполнѣ естественно, что эти люди, выдрессированные по военному, вступая въ партію, и тамъ подчиняются старой дисциплинѣ, какую тщетно пришлось бы искать въ странѣ, гдѣ уже въ теченіе столѣтій существуетъ больше свободы, и гдѣ не переносили бы давленія власти такъ пассивно, какъ, повидимому, это считается обязательнымъ въ Германіи.

Энгельсъ увѣряетъ, что, если Германія будетъ продолжать мирно свое политико-экономическое развитіе, легальный тріумфъ соціалдемократіи можетъ быть достигнутъ въ концѣ этого вѣка, и Бебель также думаетъ, что большая часть нашихъ современниковъ увидитъ полное осуществленіе нашихъ требованій. Но какая-нибудь война можетъ совершенно разрушить эти прекрасныя надежды.

Это соображеніе заставляетъ насъ вспомнить образъ дѣйствія нѣмецкихъ вождей во время обсужденія вопроса о милитаризмѣ на Брюссельскомъ конгрессѣ. Всѣмъ извѣстно, какъ глубока была ненависть Маркса и Энгельса къ Россіи, и какъ отъ нихъ она перешла ко всей партіи. Въ то время, какъ мы наивно воображали, что пора похоронить легенду о „наслѣдственномъ врагѣ“, Россію постоянно пред-

ставляютъ наслѣдственнымъ врагомъ Германіи. Въ 1876 г. Либкнехтъ издалъ такую яростную брошюру противъ Россіи *) (не противъ *бюрократизма*, а противъ *Россіи*), что другой соціалдемократъ счелъ себя обязаннымъ написать другую брошюру, озаглавленную: *„Должна ли соціалдемократія сдѣлаться турецкою?“* И теперь еще Бебель, Либкнехтъ, Энгельсъ и берлинская „Народная Трибуна“ хоромъ требуютъ и даже рекомендуютъ, какъ необходимую мѣру, уничтоженіе Россіи. Какъ древніе евреи считали себя призванными уничтожить хананеянъ, такъ нѣмецкіе вожди считаютъ своею обязанностью такое же отношеніе къ Россіи.

Обыкновенно относятся съ большимъ порицаніемъ къ франко-русскому союзу, и по нашему мнѣнію также французская республика опозорила себя, бросившись въ объятія россійской бюрократіи, но на комъ лежитъ вина? Развѣ не Германія своимъ тройственнымъ союзомъ вызвала этотъ договоръ? Франція считаетъ себя ограбленною присоединеніемъ Эльзасъ-Лотарингіи къ Германіи въ 1871 г., она не прощаетъ и не забываетъ этого грабежа. Она постоянно надѣется взять обратно обѣ провинціи. Можно ли упрекать ее за это? Она заключила бы союзъ съ самимъ дьяволомъ, еслибъ тотъ могъ вернуть ей потерянную территорію. ***Слѣдовательно**, Германія одна является **причиной современнаго положенія.***

Тройственный союзъ называется „охраной мира“, но въ дѣйствительности онъ является постояннымъ вызовомъ къ войнѣ. Германія, чувствуя себя виновной, ищетъ себѣ сообщниковъ, чтобы сохранить украденное и защитить его въ случаѣ нужды. Послѣдствіемъ этого было сближеніе двухъ элементовъ, ранѣе бывшихъ противниками. Въ послѣднемъ счетѣ на Германіи лежитъ вина за франко-русскій союзъ.

А какъ держится соціалдемократическая партія въ Германіи?

Она заявляетъ посредствомъ органа нѣкоторыхъ изъ своихъ представителей, что она признаетъ современное положеніе, *какъ основанное на правѣ* (Ауэръ, засѣданіе рейхстага, февраль 1891 г.). Совершенно то же дѣлаетъ капи-

*) Zur Orientalischen Frage oder: Soll Europa Kosackisch werden? (Должна ли Европа сдѣлаться казацкой).

талистическое общество. Награбивъ всѣ свои богатства, имущіе классы объявляютъ право собственности неприкосновеннымъ. Они говорятъ ограбленнымъ: кто впредь подниметъ святотатственную руку на нашу собственность, тотъ будетъ заключенъ въ тюрьму: что же касается насъ, то мы признаемъ установленный порядокъ вещей. Стоящіе у власти всегда дѣйствуютъ такъ же, оправдывая старую поговорку: „Beati possidentes“ *).

Нѣмцы обвиняютъ французовъ въ шовинизмѣ за то, что послѣдніе требуютъ возсоединенія Эльзасъ-Лотарингіи. Но развѣ не съ такимъ же правомъ можно упрекнуть въ шовинизмѣ нѣмцевъ, желающихъ сохранить за собой эти провинціи? Нѣмецкая соціалистическая партія, говоря такимъ образомъ и нападая постоянно на Россію, играла въ руку правительству. Для этого послѣдняго въ самомъ дѣлѣ вопросъ состоялъ въ слѣдующемъ: „какъ намъ отдѣлаться отъ внутренняго врага—отъ соціалдемократіи?“ Эта именно боязнь народнаго движенія мѣшала до сихъ поръ правительствамъ вести войны. Они боялись возможныхъ послѣдствій такихъ предпріятій.

Теперь эта боязнь исчезла, потому что партія сама успокоила правительство.

Мы отлично понимаемъ, что послѣ всѣхъ этихъ наускиваній могутъ сказать: „нѣмецкимъ соціалдемократамъ не должно будетъ казаться страннымъ, если на время войны съ Россіей ихъ организуютъ въ особый образцовый корпусъ, чтобы служить первосортнымъ пушечнымъ мясомъ. Они формулировали это желаніе. Имъ не пожалѣютъ памятника въ формѣ, напримѣръ, гигантскаго желѣзнаго колосса“.

Кто станетъ отрицать, что бюрократическая Россія является врагомъ всякой человѣческой свободы? Но мы сильно сомнѣваемся, чтобы именно Германія была призвана выполнить роль защитника свободы. *Нѣмецкая свобода* есть въ данное время товаръ, не внушающій довѣрія; на слухъ большинства смертныхъ эти два слова, это существительное и это прилагательное звучатъ дисгармонично! И если Бебель въ своей ненависти къ Россіи доходитъ до того, что проповѣдуетъ, какъ самую священную обязанность, уничтоженіе

*) Блаженны имущіе.

варварской и официальной Россіи, не намекая даже ни однимъ словомъ на коронованнаго варвара, стоящаго во главѣ Германіи и автократично заявляющаго передъ лицомъ всего міра, что „воля монарха составляетъ высшій законъ“, то онъ совершенно забываетъ международный характеръ соціализма. Онъ даже призываетъ соціалдемократовъ „сражаться рука объ руку съ нашими сегодняшними противниками“. Слѣдовательно, классовая борьба забывается, чтобы видѣть въ нѣмецкомъ буржуа (представляющемъ, однако, самого смертельнаго врага нѣмецкаго пролетарія) лишь драгоцѣнную поддержку для веденія національной войны и уничтоженія Россіи.

Слѣдовательно, вполнѣ установлено, что для этихъ господъ, въ случаѣ войны съ Россіей, буржуа и пролетарій объединяются, и классовая борьба временно оставляется. Но война съ Россіей означаетъ при теперешнемъ положеніи дѣлъ войну съ Франціей, и Энгельсъ самъ признаетъ это, когда пишетъ: „при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ, раздавшемся на Вислѣ, французы пойдутъ къ Рейну“. Этого именно мы и боимся! Французскіе рабочіе-соціалисты сомкнутыми рядами пойдутъ на сгруппированныхъ въ полки нѣмецкихъ рабочихъ-соціалистовъ, чтобы перерѣзать другъ друга. Этого слѣдовало бы избѣжать, во что бы то ни стало и, найдутъ ли это дурнымъ или хорошимъ, назовутъ ли насъ анархистами или чѣмъ угодно, мы всетаки скажемъ, что всѣ тѣ, кто стоитъ на одной почвѣ съ Бебелемъ, заражены шовинистскими идеями и очень далеки отъ интернаціоналистическаго принципа, характеризующаго соціализмъ.

Развѣ Пруссія не хищническое государство? Развѣ она не участвовала въ раздѣлѣ Польши, чтобы получить свою долю добычи? (Что Россія получила львиную долю—это не измѣняетъ сущности дѣла, и это произошло единственно потому, что Пруссія не была достаточно сильна, чтобы захватить эту долю себѣ). И развѣ она также не оторвала Эльзасъ-Лотарингіи отъ Франціи? Вмѣсто того, чтобы создать объединенную Германію, въ которой смѣшались бы всѣ мѣстныя отличія, пруссифицировали Германію, но не германизировали Пруссіи. И подобная страна можетъ имѣть претензію слыть въ глазахъ всего міра крѣпостью свободы!!!

Конечно, если бы побѣдила бюрократическая Россія, это было бы несчастіемъ для цивилизаціи. Но развѣ на много будетъ лучше, если побѣдитъ Пруссія? Развѣ въ этой странѣ „милитаризація“ администраціи не налагаетъ на всѣхъ своего невыносимаго авторитарнаго отпечатка? Это бьетъ въ глаза всѣмъ при посѣщеніи Германіи. Энгельсъ напрасно говоритъ, что въ случаѣ побѣды „Германія нигдѣ не найдетъ поводовъ для присоединенія чего нибудь“. Какъ будто нѣтъ Нидерландовъ на западѣ, Даніи на сѣверо-востокѣ и нѣмецкой Австріи на югѣ! Когда хотятъ присоединить какую нибудь страну, всегда найдется поводъ, а въ случаѣ нужды его создадутъ: Лотарингія представляетъ тому яркій примѣръ. Когда нѣтъ другихъ основаній, ссылаются на „стратегическую необходимость“, какъ на ultima ratio *). Что касается насъ, мы ничуть не убѣждены въ выгодѣ, которая будто бы получится для соціалистическаго движенія отъ побѣды Германіи. Мы думаемъ, напротивъ, что она имѣла бы своимъ непосредственнымъ слѣдствіемъ укрѣпленіе монархическаго принципа на счетъ революціоннаго движенія.

Энгельсъ рисуетъ намъ дѣло въ такомъ видѣ: миръ обезпечиваетъ нѣмецкой соціалдемократической партіи побѣду черезъ *десять лѣтъ*. Война принесетъ ей *или* побѣду черезъ два—три года, *или* полное уничтоженіе по крайней мѣрѣ на пятнадцать—двадцать лѣтъ. Съ такой переспективой было бы безуміемъ со стороны нѣмецкихъ соціалдемократовъ желать войны, которая можетъ все подвергнуть пожару, вмѣсто того, чтобы ожидать вѣрнаго тріумфа отъ мира. Болѣе того. Никакой соціалистъ, какой бы то ни было національности, не можетъ желать побѣды въ зависящей отъ случайностей войнѣ ни нѣмецкому правительству, ни буржуазной французской республикѣ, ни тѣмъ болѣе россійской бюрократіи, что было бы равносильно порабощенію всей Европы. И вотъ почему соціалисты всѣхъ странъ должны быть сторониками мира. Если же война все таки вспыхнетъ, то несомнѣнно одно: „это война, въ которой пятнадцать—двадцать милліоновъ людей будутъ рѣзать другъ друга и опустошать Европу, какъ ни-

*) неопровержимый доводъ.

когда, породитъ немедленно побѣду соціализма, или же старый строй будетъ такъ потрясенъ, что отъ него останутся однѣ развалины, которыя старое капиталистическое общество не сможетъ возстановить, и соціальная революція можетъ быть замедлена на десять-пятнадцать лѣтъ, но съ тѣмъ, чтобы на этотъ разъ восторжествовать болѣе радикально".

Если анализъ Энгельса справедливъ, то энергичный государственный дѣятель, вѣрящій въ его предсказанія, не упуститъ случая конечно вызвать войну тотчасъ же, какъ только окажется возможнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, если побѣда соціализма несомнѣнна послѣ десяти лѣтъ мира, то противникъ былъ бы очень наивенъ, еслибъ вздумалъ ожидать этого, не шевельнувъ пальцемъ для своей защиты. Глупъ тотъ, кто не предпочтетъ одного шанса на успѣхъ увѣренности въ пораженіи!

Мы же съ своей стороны думаемъ, что Энгельсъ упустилъ изъ виду, что народъ еще слишкомъ часто поддается махинаціямъ перваго встрѣчнаго авантюриста. Еще недавно мы наблюдали буланжистскую авантюру во Франціи. А между тѣмъ всѣмъ извѣстно, что часть соціалистовъ,— даже нѣкоторые изъ вождей—цѣплялась за фалды этого господина. Развѣ можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что какому нибудь ловкому проходимцу не удастся приспособить соціалдемократическое движеніе, нацѣпивъ на себя нѣсколько соціалистическихъ побрякушекъ, когда Бебель уже теперь имѣетъ такъ мало довѣрія, что высказываетъ боязнь, какъ бы „не позволилъ соблазнить себя цвѣтъ партіи"— а такъ конечно можно назвать делегатовъ на Эрфуртскомъ конгрессѣ — ради красивыхъ фразъ „и даже прекрасныхъ глазъ Фольмара". Это свидѣтельство не указываетъ на особенную самостоятельность даже наиболѣе сознательныхъ, и невольно спрашиваешь себя, какой силой сопротивленія обладаетъ масса?

Увѣренность въ торжествѣ соціализма мирнымъ путемъ раздѣляется далеко не всѣми. Многіе ожидаютъ даже съ тревогой—послѣ событій послѣдняго времени, происходившихъ въ рядахъ нѣмецкой соціалдемократической партіи—наступленія того вида соціализма, который въ на-

стоящее время, повидимому, беретъ верхъ въ Германіи; именно потому, что эта доктрина вовсе не походитъ на понятіе, которое они составили себѣ о соціализмѣ.

Мы держимся того мнѣнія, что дѣла приняли бы совсѣмъ иной оборотъ, еслибы предстоящая война имѣла послѣдствіемъ уничтоженіе милитаризма. Предположимъ, что Германія разбита одной Россіей или Франціей въ союзѣ съ Россіей. Если тогда нѣмецкаго самодержца (который на манеръ Людовика XIV провозглашаетъ себя единственнымъ властелиномъ страны) свергнетъ возставшій народъ, и если потомъ народъ, зная, что окончателная побѣда Россіи равняется возстановленію деспотизма, поднимется въ воодушевленіи, чтобы воспрепятствовать вторженію въ страну, эти народныя арміи несомнѣнно одержатъ побѣду, какъ французы въ 1793 г. одержали ее надъ арміями соединенныхъ тирановъ.

Русскіе разбиты на голову. Съ французами братаются, потому что причина вражды между обоими народами, присоединеніе Эльзасъ-Лотарингіи, тотчасъ же исчезнетъ.

И кто знаетъ, можетъ быть французскій пролетаріатъ, чувствуя отвращеніе къ республикѣ буржуа-торгашей, положитъ конецъ режиму, способному оттолкнуть отъ себя самаго яраго республиканца.

Развѣ подобная развязка не болѣе желательна?

Но, оставляя даже въ сторонѣ всякую философію и пророчества, мы не дожчы, какъ соціалисты поддерживать воинственное настроеніе противъ кого бы то ни было. Напротивъ, мы должны дѣлать все, что въ нашихъ силахъ, чтобы война стала невозможной. Если правительства изъ страха передъ соціализмомъ не посмѣютъ вести войнъ, то этимъ мы уже много выиграемъ, и если вооруженный міръ, который хуже войны, потому что длится дольше, доводитъ милитаристскія правительства до банкротства, намъ остается только поздравить себя съ этимъ, потому что и такимъ способомъ капитализмъ становится собственнымъ могильщикомъ.

Если бы мы были согласны съ Бебелемъ и Либкнехтомъ, мы считали бы себя обязанными защищать и вотировать всѣ военные расходы. Въ самомъ дѣлѣ, своимъ отказомъ мы можемъ помѣшать правительству добыть средства, въ которыхъ

оно нуждается, по его мнѣнію, для того, чтобы, какъ ,слѣдуетъ выполнить задачу, составляющую ихъ обязанность, какъ думаютъ такого рода соціалдемократы.

Кто вступилъ на такой путь—неизбѣжно скользитъ по наклонной плоскости. Вмѣсто высокомѣрнаго: *ни одного человѣка и ни одного сантима!* придется сказать: столько людей и денегъ, сколько пожелаете! Какъ не протестуй Либкнехтъ противъ этого вывода, онъ все же вытекаетъ изъ его рѣчей и поступковъ.

Логика неумолима и не терпитъ ни малѣйшаго нарушенія! Если Либкнехтъ хочетъ спасти насъ отъ опаснаго увлеченія шовинизмомъ, онъ долженъ подать намъ примѣръ, а не отдаваться ему самъ, какъ онъ это, несомнѣнно, дѣлаетъ въ компаніи съ нѣсколькими другими.

Мы, напротивъ, должны стать на ту точку, на которой стоятъ свѣтила нѣмецкой литературы, какъ Лессингъ, который говоритъ: „Я не понимаю патріотизма и это чувство кажется мнѣ, самое большее, героической слабостью, отъ которой я охотно отказываюсь"; или какъ Шиллеръ, пишущій: „Физически мы стремимся быть гражданами своей эпохи, потому что иначе быть не можетъ; но во всемъ остальномъ, а въ отношеніи умственномъ это является обязанностью и привилегіей философа и поэта, не принадлежать никакому народу и никакой эпохѣ въ частности, но быть на самомъ дѣлѣ современникомъ всякой эпохи".

Теперь мы представляемъ читателю судить, сдѣлала ли нѣмецкая соціалдемократія послѣ Эрфуртскаго конгресса шагъ впередъ или назадъ. Чтобы избавиться отъ всякаго упрека въ пристрастіи, мы старательно цитировали слова ея вожаковъ.

Наше впечатлѣніе таково, что, по причинамъ опортюнистическаго характера, направленіе партіи предпочло уклониться отъ лѣвой къ правой (чтобы не потерять поддержки Фольмара и его приверженцевъ, число которыхъ значительнѣе, чѣмъ думали) и что партія, ради личнаго спасенія, пожертвовала оппозиціей.

Робеспьеръ поступалъ такъ же. Онъ уничтожилъ сначала крайнюю лѣвую, гебертистовъ, съ помощью Дантона и Демулена, чтобы уничтожить потомъ правую, представителями

которой были въ числѣ другихъ и двое послѣднихъ, и затѣмъ одному выйти побѣдителемъ изъ борьбы.

Но, когда реакція подняла голову, онъ увидѣлъ, что самъ убилъ своихъ естественныхъ союзниковъ и вырылъ собственную могилу.